

МИМОХОДОМЪ.

Моя губернаторская эпопея.

„Лѣсъ рубятъ, щепки
летятъ“.

Политическія дѣла.

Приступаю къ изложенію политической дѣятельности и, главнымъ образомъ, нижеслѣдующаго политическаго дѣла, которое единственно и глубоко-несправедливо было причиной выхода моего изъ губернаторства Томской губерніи.

Въ половинѣ августа 1880 г. отъ директора департамента полиціи барона Веліо я получилъ такую телеграмму:

„Если партія государственнхъ преступниковъ № 26 находится въ предѣлахъ Томской губерніи, прошу отдѣлить отъ ней и задержать Петра Боголюбова, партію отправить дальше, донести министру“.

Партія находилась въ гор. Маріинскѣ (Томск. губ.), почему дана была телеграмма исправнику о задержаніи Боголюбова.

Дня черезъ 4 получена мною шифрованная депеша непосредственно отъ министра графа Лорисъ-Меликова слѣдующаго содержания:

„По Высочайшему повелѣнію.

„Государь Императоръ, по новомъ разсмотрѣніи дѣла о дворянинѣ Петрѣ Боголюбовѣ, признавъ его ни въ чемъ неповиннымъ, всемилостивѣйше повелѣтъ соизвоилъ: совершенно освободить дворянина Боголюбова и возвратить на родину не въ качествѣ арестованнаго. Прошу исполнить и увѣдомить“.

(Подписано) Графъ Лорисъ-Меликовъ.

Черезъ 2 дня посланный мною стражникъ привезъ ко мнѣ Боголюбова, котораго впрочемъ я уже и раньше видѣлъ, когда осматривалъ партію № 26. Это былъ юноша 18 лѣтъ, худой, заморенный со впалыми глазами и землистымъ цвѣтомъ лица; одѣтъ онъ былъ въ шерстяную рубашку; бѣлье сильно заношенное; багажа никакого.

Объявивъ ему царскую милость, которою онъ, видимо, былъ очень тронутъ, я сказалъ, что потомъ поговорю съ нимъ подробно, а между тѣмъ спросилъ, есть ли у него какой-либо багажъ и сохранились тѣ 36 руб., которые находились на рукахъ у партіоннаго офицера ¹⁾? Боголюбовъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ отвѣтилъ, что верхнее пальто и бѣлье, какое было у него, онъ отдалъ больному и совершенно бѣдному товарищу и на его же имя просилъ ротмистра переписать 36 руб.

Затѣмъ я предложилъ ему отправиться въ гостиницу, куда принесутъ ему бѣлье, взять приготовленную уже тамъ ванну и вообще привести себя послѣ дальней дороги въ порядокъ, а въ 5 часовъ придти ко мнѣ обѣдать.

Вотъ, печальная повѣсть, которую рассказалъ Боголюбовъ послѣ обѣда.

„Отецъ мой былъ старшимъ совѣтникомъ Черниговскаго губернскаго правленія, и пока онъ былъ живъ, наша семья (мама, старшій братъ Иванъ и я) существовала довольно хорошо.

„Умеръ отецъ, когда мы были въ школьномъ возрастѣ, и скоро стали мы испытывать большія затрудненія. Братъ успѣлъ кой-какъ кончить гимназію и поступилъ въ Кіевскій университетъ, а я въ 16 лѣтъ отъ роду дошелъ только до 6 класса, а дальше въ Черниговѣ жить было нечѣмъ. Поэтому при помощи одного знакомаго я уѣхалъ въ Харьковъ и поступилъ въ ветеринарный институтъ. Но не прошло и полгода, какъ по телеграммѣ начальника Черниговскаго жандармскаго управленія я былъ арестованъ и заключенъ въ одиночную камеру Бѣлгородской тюрьмы, гдѣ я пробылъ ровно годъ; затѣмъ былъ переведенъ въ Вышневолоцкую тюрьму и по истеченіи 6 мѣсцевъ былъ присоединенъ къ партіи № 26 и отправленъ въ Восточную

¹⁾ Губернаторы обязаны были осматривать каждую партію госуд. преступниковъ, слѣдовавшихъ чрезъ ихъ губерніи; проверять у партіонныхъ начальниковъ денежныя книжки и самую наличность; выдавать преступникамъ и принимать отъ нихъ письма и наконецъ разбирать претензіи.

Сибирь подъ надзоръ полиціи. Въ чемъ меня обвиняли, я не знаю; никто объ этомъ мнѣ не заявлялъ и никто не дѣлалъ мнѣ никакого допроса. Только изъ письма мамы, случайно переданнаго мнѣ, я узналъ, что въ Черниговѣ былъ у кого-то (но не у насъ) сдѣланъ обыскъ, при чемъ найдена была карточка Богдановича и на ней карандашемъ былъ написанъ нашъ адресъ. Обратились къ мамѣ, она сказала, что я въ Харьковѣ, а гдѣ старшій сынъ, не знаетъ, такъ какъ уже болѣе 10 мѣсяцевъ не получаетъ отъ него никакихъ извѣстій. Еще мама сообщила, что она переѣхала на хуторъ близъ Стародуба, куда и мнѣ придется отправиться*.

Тяжелое впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ рассказъ несчастнаго, загубленнаго мальчика. О, жандармы! много вы надѣлали злыхъ дѣлъ... и остались неуязвимы. Въ теченіе продолжительной (56-лѣтн.) службы я не слышалъ, чтобъ кто-либо изъ жандармовъ подвергся какому-либо наказанію, несмотря на ужасный произволъ, который они себѣ позволяли и позволяютъ. Подумайте: на полтора года бросить въ одиночное заключеніе 16-лѣтняго мальчика, ни въ чемъ неповиннаго!.. И кто же? Какой-то тамъ полковникъ или ротмистръ такъ распоряжаются свободой, здоровьемъ и самою жизнью гражданъ.

Разставаясь съ Боголюбовымъ, я предупредилъ, что завтра онъ получитъ проходное свидѣтельство и прогонныя изъ казны деньги, а послѣзавтра онъ долженъ отправиться въ путь съ послѣднимъ рейсомъ парохода (31 августа).

Независимо этого, въ виду наступившаго холоднаго времени, я послалъ Боголюбову въ гостиницу теплое пальто, шапку, галоши и плащъ, всего на 75 руб., изъ которыхъ 25 руб. уплатилъ въ магазинъ я изъ собственныхъ, а остальные были взяты изъ благотворительной суммы, собранной моею женою со спектаклей и концертовъ для воспособленія воспитанницамъ женскаго духовнаго училища, которыхъ содержали впроголодь.

Боголюбовъ доѣхалъ до Стародуба благополучно, какъ извѣстилъ онъ меня письмомъ. Но чрезъ 2 мѣсяца Стародубскій исправникъ донесъ, что Боголюбовъ вскорѣ по пріѣздѣ умеръ отъ чахотки, которою, по заявленію врача, былъ уже давно боленъ.

Во избѣжаніе какого-либо недоразумѣнія нахожу не излишнимъ упомянуть, что въ Сибири нѣтъ предводителей дворянства, ихъ замѣняютъ губернаторы. Поэтому къ столь жестоко и безвинно пострадавшему дворянину, признанному самимъ госуда-

ремъ „ни въ чемъ неповиннымъ“, я обязанъ былъ отнестись не только формально, но и съ нѣкоторымъ теплымъ участіемъ, какъ предводитель дворянства, и тѣмъ хотъ въ минимальнѣйшей долѣ смягчить горечь нанесенной дворянину обиды.

Само собою разумѣется, что никто не зналъ содержанія шифрованной депеши, но всѣ видѣли, что изъ Маріинска привезенъ государственный преступникъ, узнали, что онъ у губернатора обѣдалъ, что ему на складочныя деньги куплено теплое платье и, наконецъ, что онъ уѣхалъ, неизвѣстно куда.

И вотъ, не зная главнаго, т.-е. депеши, а только на основаніи внѣшнихъ данныхъ, начальникъ жандармскаго управленія полковникъ Александровъ соорудилъ такой доносъ:

„Губернаторъ Мерцаловъ самовольно освободилъ изъ Сибири государственнаго преступника Боголюбова, изъ-за котораго Вѣра Засуличъ стрѣляла въ генерала Трепова, сдѣлалъ для него обѣдъ и подписку и отправилъ, неизвѣстно куда“¹⁾.

Повидимому, сначала этому доносу не было придано значенія потому, вѣроятно, что директоромъ былъ еще баронъ Велю, который зналъ это дѣло и видѣлъ, конечно, всю нелѣпость измышленія полковника Александрова. Но когда перемѣнился министръ (графъ Игнатъевъ) и директоръ (Плеве), да вѣроятно другіе младшіе чины,—то вмѣсто наведенія справки въ департаментъ съ шифрованной депешей и моими донесеніями министру признано было нужнымъ выяснить это дѣло окольнымъ путемъ, что и возложено было на товарища прокурора Кіевской судебной палаты М. Р. Романова при содѣйствіи жандармскаго капитана Иванова, командированныхъ въ Сибирь собственно для разслѣдованія причинъ и способовъ побѣговъ государственныхъ преступниковъ.

Сей юный товарищъ прокурора не нашелъ ничего умнѣе, какъ обратиться къ тому же полковнику Александрову, который и подтвердилъ, конечно, содержаніе своего доноса, а капитанъ Ивановъ дѣйствовалъ преимущественно съ задняго крыльца, добываясь истины (?) у горничныхъ, прачекъ и проч.

И вотъ, на основаніи такого дознанія департаментъ полиціи съ шефомъ жандармовъ Оржевскимъ составилъ всеподданнѣйшій обвинительный докладъ, который оказался, какъ это будетъ

¹⁾ Прискорбный инцидентъ „Боголюбовъ — Треповъ — Вѣра Засуличъ“ произошелъ, если не ошибаюсь, въ 1867 году, и очевидно, тотъ Боголюбовъ не имѣлъ ничего общаго съ 18-лѣтнимъ юношей, котораго по высочайшему повелѣнію я долженъ былъ освободить въ 1880 году, т.-е. 13 лѣтъ спустя.

видно ниже, полнѣйшею жалкою нелѣпостью, поставившею Оржевскаго въ необходимость принести предъ Императоромъ Александромъ III извиненіе въ напрасно взведенномъ на меня обвиненіи, а мнѣ лично сказать: „мы виноваты, впади въ ошибку, но не ошибается тотъ, кто ничего не дѣлаетъ“.

Но буду рассказывать по порядку.

Въ концѣ 1882 года я потерялъ единственного сына, юношу 16 лѣтъ, и до такой степени былъ потрясенъ этимъ несчастіемъ, что по совѣту мѣстныхъ врачей и съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ я предпринялъ поѣздку въ Петербургъ, чтобы воспользоваться совѣтами профессоровъ Боткина и Мержеевского для возстановленія моего разстроеннаго здоровья.

Но въ Петербургъ меня ожидало новое несчастіе. Директоръ депар. общ. д. Заяка объявилъ мнѣ, что мною недоволенъ новый (уже 4-й) министръ графъ Д. А. Толстой и что я долженъ немедленно отправиться къ товарищу министра статсъ-секретарю Дурново для личныхъ объясненій.

Объясненіе состоялось въ томъ же день. Дурново объявилъ мнѣ, что департаментъ полиціи въ особомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ обвинилъ меня въ слѣдующемъ:

1) что я окружилъ себя поляками и покровительствовалъ евреямъ и нигилистамъ;

2) что относительно государственныхъ преступниковъ я въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1881 г. выразилъ мысль о необходимости освободить Томскую губернію отъ дальнѣйшей ссылки упомянутыхъ лицъ, въ виду скорого открытія въ Томскѣ университета, а между тѣмъ самъ же переводилъ поднадзорныхъ въ Томскъ, подъ предлогомъ отсутствія въ уѣздныхъ городахъ запроса на интеллигентный трудъ;

3) что я въ разговорѣ съ аккредитованнымъ (по высоч. пов.) лицомъ выразился о государственныхъ преступникахъ, что это—борцы за идею, къ которымъ я не могу не относиться съ нѣкоторой долей симпатіи;

4) что я самовольно освободилъ государственнаго преступника Боголюбова и сдѣлалъ въ пользу его сборъ;

5) что разрѣшилъ шестерымъ госуд. преступникамъ проводить умершаго ихъ товарища на кладбище;

6) что допустилъ уголовного (не политическаго) ссыльнаго Корша завѣдывать неофициальною частью „Томскихъ губернскихъ вѣдомостей“;

7) что я перевелъ изъ Каинска въ Томскъ государственнаго преступника (по д. 193) Мокіевскаго-Зубокъ съ семьей по той причинѣ, что онъ мой родственникъ (по матери),

и 8) что томскій епископъ Петръ признаетъ меня малоправославнымъ, а почему?—не объяснилъ.

Вотъ, обвинительный актъ, предъявленный мнѣ департаментомъ полиціи.

Прежде всего я заявилъ г-ну Дурново, что для возстановленія въ памяти того, что происходило въ теченіе трехъ лѣтъ, мнѣ необходимо самому прочесть докладъ, и тогда я дамъ *письменный* отвѣтъ. Но товарищъ министра отказалъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не уполномоченъ на это министромъ, а предложилъ теперь же объясниться словесно.

Но какъ только на каждый пунктъ я начиналъ давать объясненія и возраженія, какъ Дурново останавливалъ меня, говоря: „о, ваше превосходительство“ такимъ тономъ, что—значить—мои объясненія и возраженія, которыхъ я еще и не высказалъ, совершенно излишни и не заслуживаютъ никакого вниманія. Послѣ трехъ-четырехъ возгласовъ его „о, ваше превосходительство“ я увидѣлъ, что никакого толка изъ этого объясненія не будетъ и, чувствуя, что такой грубый недобросовѣстный приемъ, допущенный г-мъ Дурново, можетъ довести меня до крайняго раздраженія, я заявилъ ему, что всѣ эти обвиненія представляются или вздорнымъ вымысломъ или клеветою, а затѣмъ спросилъ его: не заключается ли въ докладѣ чего-либо опорочивающаго нравственную сторону моей губернаторской дѣятельности? На это Дурново отвѣтилъ, справившись въ докладѣ: „здѣсь сказано, что не только сторонники, но и враги—всѣ единогласно признали Мерцалова честнымъ и безупречнымъ въ нравственномъ отношеніи человекомъ“.

Затѣмъ я снова его спросилъ: чего желаетъ отъ меня министр?—„Министръ предлагаетъ вамъ перейти въ Акимовскую область“.

Подумавъ немного, я сказалъ, что служить въ той области, которая подчинена степному генераль-губернатору Колпаковскому, не считаю возможнымъ, такъ какъ населенію Западной Сибири, равно какъ и мнѣ, дѣятельность его давно известна далеко не съ блестящей стороны. Въствѣ съ тѣмъ мнѣ пришла мысль, что графъ Толстой станеть бросать и меня изъ губерніи въ губернію подобно тому, какъ перебрасывалъ онъ умнаго, чест-

наго администратора, губернатора Щепкина, и др. Въ виду этого я рѣшился совсѣмъ уйти изъ министерства внутр. дѣлъ, о чемъ и заявилъ г-ну Дурново съ тѣмъ, что прошеніе объ отставкѣ пришло по возвращеніи въ Томскъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я сказалъ, что безъ службы я существовать не могу и надѣюсь, что впослѣдствіи, когда мое здоровье возстановится, со стороны министерства внутр. дѣлъ не встрѣтятся препятствія къ поступленію моему снова въ одно изъ учрежденій, кромѣ упомянутаго министерства. Дурново отвѣтилъ, что я могу быть вполне покоенъ на этотъ счетъ: министерство дастъ самый лучший отзывъ. (Впослѣдствіи же, когда Дурново сталъ министромъ, онъ слова своего не сдержалъ).

Къ указанному выше рѣшенію выйти въ отставку, помимо изложенныхъ обстоятельствъ, побудилъ меня рѣшительный совѣтъ проф. Боткина прекратить по крайней мѣрѣ на одинъ годъ всякія умственные занятія, въ виду рѣзко выраженнаго малокровія, нарушеннаго питанія, душевнаго равновѣсія и могущихъ произойти оттого крайне неблагоприятныхъ послѣдствій.

Два съ половиною года я былъ въ отставкѣ. Не буду распространяться о тѣхъ душевныхъ и матеріальныхъ невзгодахъ, которыя претерпѣлъ я съ семьей въ теченіе этого немалого времени низачто — ни прачто, какъ это будетъ видно далѣе. Ограничусь изложеніемъ дѣйствительныхъ событій, которыя произошли, когда, оправившись нѣсколько послѣ болѣзни, я началъ хлопотать о поступленіи снова на службу.

Прежде всего я обратился къ моему старинному сослуживцу статсъ-секр. Петрову, который управлялъ кабинетомъ Е. В. и въ министерствѣ Императорскаго двора былъ всесильнымъ человекомъ. Петровъ, повидимому, очень охотно обѣщалъ меня устроить, предупредивъ однако же, что онъ исполнитъ это, когда будетъ утвержденъ уже подготовленный проектъ реформы министерства двора. Утвержденіе это, прибавилъ онъ, послѣдуетъ, вѣроятно, осенью 1883 г. Но когда осенью утвержденія не случилось, Петровъ увѣрилъ, что въ новый годъ непременно все будетъ приведено къ концу. За новымъ годомъ послѣдовалъ великій постъ, потомъ пасха и т. д. Словомъ, болѣе полутора года Петровъ ограничивался разными предлогами, скрывая истинную причину (т.-е. нежеланіе моего поступленія въ министерство), и въ то же время поддерживая во мнѣ надежду на успѣхъ.

Убѣдившись, что Петровъ ведетъ по меньшей мѣрѣ странную игру, я обратился къ министру госуд. имуществъ Мих. Никл.

Островскому, который по прежней службѣ въ госуд. контролѣ относился ко мнѣ весьма благосклонно; при чемъ я не скрылъ отъ него ни одной причины выхода моего въ отставку. Островскій прямо сказалъ, что онъ устроитъ меня, если министерство внутр. д. дастъ благопріятный отзывъ. Увы! дня черезъ три Островскій объявилъ мнѣ, что отвѣтъ Дурново (онъ тогда уже былъ министромъ) получился отрицательный.

Тогда я рѣшился идти напроломъ. Подготовивъ подробную записку, которая текстуально изложена ниже, я отправился къ товарищу министра и шефу жандармовъ Оржевскому и попросилъ особой аудіенціи; онъ пригласилъ меня въ свой кабинетъ и спросилъ: „чѣмъ онъ можетъ быть полезенъ?“.

Я сказалъ буквально слѣдующее:

— „Когда мнѣ приходилось наложить руку на какого-либо мошенника-взяточника волостного писаря, я предоставлялъ ему возможность представить въ свое оправданіе не только словесныя, но и письменныя объясненія, и только по всестороннемъ обсужденіи представленныхъ имъ данныхъ принималъ окончательное рѣшеніе. А вы, выше п-во, сами признавъ меня человекомъ честнымъ и порядочнымъ, лишили меня того, что принадлежало мнѣ по закону, т.-е. права представить письменное объясненіе“.

— „Да вѣдь съ вами объяснялся Ив. Никл. Дурново“!

— „Нѣтъ, онъ со мною не объяснялся, а только изъ вашего доклада вычитывалъ обвинительные пункты и какъ только я начиналъ свои возраженія, онъ немедленно прекращалъ ихъ возгласомъ: „о, ваше п-во“ и вычитывалъ дальше. Я нахожу, что это было грубо-лицемѣрное и недобросовѣстное исполненіе формы, чтобы имѣть право сказать министру, что порученіе исполнено—объясненіе было“.

Повидимому, мое заявленіе произвело на Оржевскаго нѣкоторое впечатлѣніе, и онъ спросилъ, что я отъ него желаю?

Я не сразу отвѣтилъ на его вопросъ, а сначала сказалъ, что мой духовный отецъ протопресвитеръ военнаго и морского духовенства Желобовскій увѣрилъ меня, что генераль Оржевскій человекъ суровый, но справедливый, умѣетъ правду найти и умѣетъ се поддержать. Вотъ, въ виду такого свидѣтельства высокоуважаемаго пастыря, я и пришелъ къ вашему п-ву съ просьбою прочесть со вниманіемъ безъ предвзятаго недоувѣрія вотъ эту записку и затѣмъ поступить, какъ долгъ вамъ укажетъ.

Оржевскій отвѣтилъ, что онъ исполнить мою просьбу и пересмотритъ дѣло.

Записка, врученная Оржевскому.

По поводу предъявленныхъ мнѣ обвиненій, прежде всего признаю необходимымъ сказать, что принимая предложеніе бывш. генераль-губернатора Западной Сибири, ген.-ад. Казнакова, занять должность губернатора въ Томскѣ, я далъ ему слово употребить всѣ усилія для выполненія слѣдующей поставленной имъ мнѣ задачи: „поднять нравственный уровень чиновниковъ Томской губерніи, находившійся, по мнѣнію ген.-ад. Казнакова, въ крайне незавидномъ состояніи, очистить губернію отъ многихъ накопившихся десятками лѣтъ злоупотребленій и неурядицъ, особенно въ государственномъ хозяйствѣ, и наконецъ повести операцію постройки зданій Сибирскаго университета такъ, чтобы милліонныя средства, пожертвованныя на это дѣло частными лицами, обществами и государствомъ, не были растрчены, а получили строго правильное назначеніе“. Не мнѣ, конечно, судить, насколько удачно выполнилъ я эту широкую и трудную задачу; но не могу не упомянуть, что оба генераль-губернатора, при которыхъ прошла моя 3-лѣтняя служба въ Томскѣ, Казнаковъ и Мещериновъ, всегда относились ко мнѣ вполне благосклонно, а Правительствующій Сенатъ, въ который многія дѣла Томской губерніи поступали въ порядкѣ управленія или по апелляціоннымъ и кассационнымъ жалобамъ, или по моимъ протестамъ, во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ признавалъ мои дѣйствія законными; наконецъ, контрольная палата не сдѣлала на меня ни одного начета ни по постройкѣ университета, ни по тюремнымъ (крайне сложнымъ) расходамъ, ни по другимъ хозяйственнымъ операціямъ, возложеннымъ на губернатора.

Такимъ образомъ и данное мною ген.-ад. Казнакову нравственное обязательство, и самое положеніе дѣлъ въ Томской губерніи, переполненной уголовными, ссыльными, вносившими развращающее вліяніе и въ среду чиновниковъ, поставили меня въ необходимость обратить главное вниманіе на нравственную сторону чиновнаго состава, удалить все то, что не соответствовало нравственнымъ требованіямъ, и выдвинуть честныхъ, добросовѣстныхъ и дѣловыхъ людей. Въ этомъ была моя задача и въ ней заключается разгадка моихъ дѣйствій. Выбирать людей по національностямъ, а не по нравственнымъ качествамъ, едва-ли

было бы соотвѣтственно положенію обстоятельствъ: Томская губернія не Сѣверо-Западный край, и политическія иллюзіи не могутъ найти въ ней почву; она нуждалась въ дѣятеляхъ честныхъ, къ какой бы партіи они ни принадлежали.

Затѣмъ относительно 1-го пункта доклада заявляю, что въ теченіе 3 лѣтъ мною принято на службу въ Томскую губернію всего *шесть* чел. католиковъ и польскаго происхожденія и притомъ преимущественно изъ лицъ, занимавшихъ уже должности по государственной службѣ въ Акмолинской области и Тобольской губерніи. Но въ то же время лицъ *не* польскаго происхожденія и *не* католиковъ было принято и перемѣщено свыше 100 чел. На самыя важныя должности, какъ-то: крестьянскихъ чиновниковъ, исправниковъ и полицеймейстера, за двумя исключеніями, назначены все русскіе и православные. Повторяю: я стремился окружить себя людьми честными и дѣловыми, въ политической благонадежности которыхъ не было никакого повода сомнѣваться. Самыми близкими ко мнѣ и довѣренными лицами были: сначала начальникъ судебного отдѣленія канцеляріи губернатора Худяковъ, а послѣ перемѣщенія его на высшую должность, — чиновникъ особыхъ порученій Соловскій, — оба православные и сибиряки.

Евреямъ я не оказывалъ ровно никакого покровительства, если не считать тѣхъ строгихъ мѣръ, какія по моему приказанію были приняты полиціями, когда въ трехъ мѣстахъ готовились анти-еврейскіе беспорядки. Одному только еврею, томскому 1 г. купцу Манасевичу-Мануйлову я дѣйствительно оказывалъ нѣсколько большее вниманіе по той причинѣ, что онъ всегда принималъ живое и значительное участіе въ пожертвованіяхъ на разныя благотворительныя дѣла и былъ однимъ изъ полезнѣйшихъ директоровъ попечительнаго о тюрьмахъ комитета. Но такое же вниманіе я оказывалъ и нѣкоторымъ жертвователямъ русскимъ, напр., Пушникову, Пастухову, Вяткину, Валгусову и др.

2) Что касается моихъ отношеній къ сосланнымъ подъ надзоръ полиціи государственнымъ преступникамъ, то рѣшительно отвергая бездоказательное обвиненіе въ какомъ-то покровительствѣ имъ, обязываюсь объяснить, что все мои дѣйствія строго согласовались съ тѣми руководящими указаніями, какія находились въ предписаніяхъ генераль-губернаторовъ и особенно въ слѣдующихъ циркулярахъ министровъ: а) графа Лорисъ-Меликова о томъ, чтобы мѣстныя власти были къ нимъ справедливы, не вызывая излишнею придирчивостію ненужнаго раздраженія и озлобленія, и б) графа Игнатьева о важномъ значеніи труда

вообще и о благодѣтельномъ его вліяніи на государственныхъ преступниковъ, которые при правильныхъ и постоянныхъ занятіяхъ мало-по-мало могутъ освободиться отъ своихъ заблужденій. Этимъ циркуляромъ поставлено губернаторамъ въ обязанность озаботиться, чтобы поднадзорные могли находить себѣ дозволенные занятія. А такъ какъ оба эти циркуляра до выхода моего въ отставку не были отмѣнены, то, конечно, они были для меня обязательны. Въ виду сего я требовалъ, чтобы полиція относилась къ поднадзорнымъ вѣжливо и терпѣливо, а затѣмъ старался устраивать этихъ лицъ, преимущественно семейныхъ, въ купеческихъ конторахъ, на заводахъ, крупчатныхъ мельницахъ и пр., гдѣ ихъ трудомъ были довольны. Какого-либо исключительнаго покровительства поднадзорнымъ не оказывалъ и многія претензіи и ходатайства оставлялъ безъ послѣдствій. Единственная цѣль, которой я стремился достигнуть моими дѣйствіями по отношенію къ поднадзорнымъ, это—лишить ихъ возможности и желанія совершить побѣгъ и рано или поздно покуситься на какое-либо крупное предпріятіе. Достигнулъ ли я этой цѣли—объяснено въ концѣ этой записки.

Департаментъ полиціи упрекаетъ меня, что относительно этихъ же лицъ я былъ непослѣдователенъ: во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1881 г. выразилъ мысль о необходимости освободить Томскую губернію отъ дальнѣйшей ссылки преступниковъ *всякихъ* категорій, а въ томъ числѣ и поднадзорныхъ, въ виду скорого открытія въ Томскѣ университета, а между тѣмъ самъ же переводилъ лицъ поднадзорныхъ на жительство въ Томскъ, подъ предлогомъ отсутствія въ уѣздныхъ городахъ запроса на интеллигентный трудъ.

Это—правда, но не вся. Кромѣ этого мотива я неоднократно заявлялъ и генераль-губернатору и департаменту полиціи, что въ Томской губерніи лица поднадзорныя могутъ быть поселяемы только на земляхъ государственныхъ имуществъ; на земляхъ же кабинета Е. В. никакіе ссыльные не могутъ быть размѣщаемы на основаніи закона 1808 г., подтвержденнаго въ 1824 г. Поэтому всѣ поднадзорные размѣщались только въ городахъ Томскѣ, Каинскѣ, Мариинскѣ и Нарымѣ; въ остальныхъ же 4 городахъ: Барнаулѣ, Колывани, Бійскѣ и Кузнецкѣ, какъ находящихся въ районѣ кабинетскихъ земель, поднадзорные не были поселяемы. Но средства надзора въ уѣздныхъ городахъ Каинскѣ и Мариинскѣ и безуѣздомъ Нарымѣ были и остаются крайне недостаточными, а именно: въ первыхъ двухъ по 3 поли-

цейскихъ чиновника (не считая исправника, который находится почти постоянно въ развѣздахъ), по 4—6 городовыхъ и по 2 стражника, а въ Нарымѣ 1 полиц. чиновникъ и 1 стражникъ. При такихъ условіяхъ надзора, размѣстить всѣхъ высланныхъ въ мое время въ Томскую губернію (до 100 чел.) поднадзорныхъ въ трехъ упомянутыхъ городахъ едва-ли было бы осторожно, особенно въ Нарымѣ, откуда во время навигаціи весьма легко скрыться на лодкѣ или на торговомъ суднѣ. Въ Томскѣ же составъ нижнихъ полиц. чиновъ простирается до 100 чел. при 8 конныхъ стражникахъ и 12 полиц. чиновникахъ, что представляло возможность установить дѣйствительный, а не фиктивный надзоръ за госуд. преступниками. Притомъ же въ Томскѣ было поселено не болѣе 30 чел., т.-е. столько же, сколько въ Каинскѣ и въ Маріинскѣ, а въ Нарымѣ до 10 чел., и многіе изъ числа поселенныхъ въ Томскѣ назначены были туда по распоряженіямъ ген.-губернаторовъ Казнакова и Мещеринова, отмѣнять которыхъ я не имѣлъ права.

3) Въ докладѣ департамента полиціи указывается далѣе еще на разговоръ мой съ какимъ-то аккредитованнымъ лицомъ, о нашихъ революціонерахъ, которыхъ я называлъ „нашими непримиримыми“ (intransigents), я остановился на вопросѣ:— „что намъ, т.-е. западно-сибирской администраціи, дѣлать съ ними, какова наша задача по отношенію къ нимъ?“ Полагаю, сказалъ я, что наша задача примирить ихъ съ существующими условіями, успокоить ихъ раздраженіе, исправить, сдѣлать ихъ возможно полезными членами общества. Иначе, какъ такимъ образомъ, я не могу понимать свою задачу, потому что если бы правительство признавало ихъ „совершенно отиѣтыми“, то конечно нашло бы имъ мѣсто на каторгѣ или размѣстило бы ихъ по центральнымъ тюрьмамъ, а не прислало бы къ намъ въ Томскую или Тобольскую губ. Остановиваясь наконецъ на вопросѣ о способахъ выполненія этой задачи, я сказалъ, что людей убѣжденных, хотя и заблуждающихся (фанатиковъ) можно исправить, по моему мнѣнію, не палкой, а убѣжденіемъ же и терпѣніемъ.

Повидимому, г. Романовъ согласился съ этимъ взглядомъ.

4) Департаментъ полиціи приписываетъ мнѣ еще слѣдующіе безтактные поступки:

а) Освобожденіе государственнаго преступника Боголюбова и сборъ въ пользу его денегъ.

Примѣчаніе. Это—не тотъ Боголюбовъ, изъ-за котораго Вѣра Засуличъ въ 1867 г. стрѣляла въ генерала Трепова.

О Боголюбовѣ я получилъ въ концѣ августа 1880 г. отъ Лорисъ-Меликова по Высоч. повелѣнію шифрованную телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Государь Императоръ, по новомъ разсмотрѣніи дѣла о *дворянинѣ* Боголюбовѣ, признавъ его ни въ чемъ неповиннымъ; всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ совершенно освободить дворянина Боголюбова и возвратить на родину не въ качествѣ арестованнаго“.

Послана была телеграмма въ Маріинскъ объ отдѣленіи Боголюбова отъ партіи № 26 и о доставленіи его ко мнѣ. Въ сопровожденіи стражника привезенъ былъ чахоточный юноша 17—18 лѣтъ, голодный и крайне плохо одѣтый, безъ всякаго багажа и безъ денегъ. По разспросамъ оказалось, что Боголюбовъ мой землякъ и сынъ моего знакомаго (бывш. старш. совѣтника Черниговскаго губернскаго правленія). Прежде всего я пригласилъ дворянина Боголюбова отправиться въ гостиницу и привести себя въ порядокъ отъ дорожной пыли, а потомъ придти ко мнѣ обѣдать, въ кругу моей семьи. Затѣмъ на слѣдующій день, снабдивъ прогонными деньгами изъ казны на 1 лошадь и теплымъ платьемъ, (на покупку котораго я пожертвовалъ собственныхъ 25 руб. и взялъ изъ благотворительнаго фонда 50 р., а всего 75 руб.) и отправилъ на пароходъ, уходящій послѣднимъ рейсомъ.

Воздерживаюсь отъ всякихъ комментаріевъ къ наименованію Боголюбова государственнымъ преступникомъ *послѣ того*, какъ Государь Императоръ соизволилъ наименовать его дворяниномъ и признать совершенно свободнымъ и неповиннымъ. Равнымъ образомъ въ виду сказаннаго выше едва-ли стоитъ останавливаться на фантастическомъ „общественномъ обѣдѣ и таковой же подпискѣ“.

5) 6) Разрѣшеніе шестерымъ госуд. преступникамъ проводить умершаго ихъ товарища (Поспѣлова) на кладбище.

Тутъ явное недоразумѣніе: мною по предварительномъ соглашеніи съ жандармскимъ полковникомъ Александровымъ разрѣшено было упомянутымъ 6 арестантамъ находиться въ *острожной* церкви при отиѣваніи Поспѣлова, умершаго въ тюрьмѣ въ одиночномъ заключеніи. Арестанты эти, подъ конвоемъ 6 жандармовъ, нѣсколькихъ надзирателей и тюремнаго смотрителя, были переведены изъ ихъ камеръ только черезъ коридоръ въ острожную церковь и послѣ отиѣванія снова отведены каждый въ свою камеру. Ни о какихъ проходахъ на кладбище не возбуждалось и вопроса.

6) в) Допущеніе уголовного (не политическаго) ссыльнаго Евгенія Корша завѣдывать по вольному найму неофициальною частью „Томскихъ губернскихъ вѣдомостей“.

Хотя законъ и разрѣшалъ мнѣ пригласить для этого дѣла лицо по моему усмотрѣнію, но приглашеніе Корша—сознаюсь—было ошибкой съ моей стороны, хотя вынужденной. Губернская типографія, при переходѣ въ мое распоряженіе, была въ полномъ разстройствѣ: долговъ на ней частныхъ было 2¹/₂ тыс., казенныхъ 6 т., машины испорчены, шрифты переломаны, бумаги ни листа. Привести типографію въ порядокъ возможно было, по мѣстнымъ условіямъ, единственно только такимъ улучшеніемъ неофициальной части Губ. Вѣд., чтобы она привлекла частныхъ подписчиковъ. Задача, очевидно, трудная вездѣ, а въ Сибири, гдѣ такъ ничтоженъ процентъ образованныхъ и способныхъ людей изъ числа лицъ граждански-правоспособныхъ,—задача эта еще труднѣе. Скрѣпя сердце пришлось взять Корша, какъ опытную рабочую силу. Цѣль достигнута: частные долги вполнѣ уплачены, кредитъ возстановленъ, матеріалы доставлены въ изобиліи и года чрезъ два возможно было пополнить казенный долгъ. Независимо этого при распространеніи газеты почти до 1 т. экземпляровъ, администрація имѣла возможность сообщать населенію правильные взгляды и свѣдѣнія, въ противовѣсъ тѣмъ инсинуаціямъ и превратнымъ толкамъ о сибирскихъ порядкахъ, какіе постоянно печатались въ маленькихъ газетахъ обѣихъ столицъ.

7) Еще нѣсколько словъ о политич. ссыльныхъ.—Въ числѣ ихъ находился нѣкто Мокіевскій-Зубокъ (по д. 193), мой родственникъ по матери. Упрекаютъ меня въ томъ, что будто бы я перевелъ его изъ Каинска въ Томскъ. Это—неправильно. Мокіевскій пріѣхалъ добровольно въ Сибирь, когда я еще не былъ губернаторомъ, съ цѣлью вступить въ законный бракъ съ Надеждой Субботиной (по д. 193), поселенной въ г.р. Каинскѣ вмѣстѣ съ матерью Софьей Субботиной. Когда они повѣнчались, то мать и дочь стали ходатайствовать непосредственно предъ ген.-губ. Мещериновымъ о переселеніи въ Томскъ, на что и послѣдовало разрѣшеніе его въ концѣ 1880 г.

Сначала Мокіевскій по переѣздѣ въ Томскъ, занимался въ конторѣ купца Михайлова, а потомъ открылъ свою собственную торговлю и все время велъ себя безукоризненно. Нѣсколько обысковъ, произведенныхъ у него, не обнаружили ничего предосудительнаго. А затѣмъ, когда у Мокіевскихъ родился сынъ, то они совсѣмъ замкнулись въ семьѣ, даже переѣхали отъ ма-

тера на другую квартиру и рѣдко съ нею видѣлись. Переселить при такихъ условіяхъ это семейство въ другой городъ только потому, что онъ мой родственникъ, значило бы раззорить его и, быть можетъ, вернуть его на путь прежнихъ заблужденій, отъ которыхъ онъ почти освободился. Притомъ же и въ видахъ надзора, какъ уже объяснено выше, мнѣ было удобнѣе держать его въ Томскѣ, чѣмъ въ другомъ городѣ. Въ этихъ видахъ же я даже неоднократно призывалъ его къ себѣ какъ родственника и еще очень молодого человѣка и старался предостерегать его отъ увлеченій, что мнѣ почти и удалось. Я не хочу сказать, что я могъ пользоваться имъ и для иныхъ чисто правительственныхъ цѣлей; для этихъ цѣлей мнѣ служили иные лица—отвѣтственныя.

8) Наконецъ въ докладѣ департамента упоминается, что томскій архіерей Петръ признаетъ меня мало православнымъ, но не поясняетъ—въ чемъ же выразилось это „малоправославіе“. Это—не болѣе какъ несправедливый и легкомысленный извѣтъ, такъ какъ съ обрядовой церковной стороны я всегда былъ исполнителемъ, съ точки же искренности вѣрованія, я своимъ поведеніемъ и дѣйствіями несомнѣнно и, такъ сказать, документально доказалъ, что евангельская заповѣдь „вѣра безъ дѣлъ мертва“ не была для меня пустымъ звукомъ. Достаточно упомянуть, что мною обезпечено существованіе Владимірскаго приюта, въ которомъ содержится до 120 дѣтей (мнѣ удалось собрать капиталъ въ 54 тыс. р.), на женскую гимназію по подпискѣ собрано 11½ тыс., на домъ общежитія при Сибирскомъ университетѣ 24 т.; на разныя благотворительныя дѣла (въ томъ числѣ на улучшеніе пищи воспитанницъ женскаго училища епархіальнаго вѣдомства) расходовалось мною ежегодно отъ 2 до 3 тыс., собранныхъ преимущественно отъ спектаклей и концертовъ, которые устраивала моя жена. Для того же, чтобъ въ 3 года собрать столь значительную сумму (до 100 тыс. р.), нужно было и самому жертвовать не мало и кромѣ того въ религіозно-нравственномъ отношеніи пользоваться довѣріемъ и уваженіемъ общества. Извѣтъ епископа Петра тѣмъ болѣе неблаговиденъ, что проистекаетъ изъ личнаго его неудовольствія на меня, съ одной стороны потому, что я не исполнилъ ни одного его незаконнаго требованія о расторженіи раскольничьихъ браковъ, совершенныхъ „по благословенію стариковъ“, а съ другой—за невысокое мнѣніе мое о сельскомъ духовенствѣ Томской губ., изложенное во всеподан. отчетѣ за 1880 г.

Въ заключеніе позволю себѣ указать на результаты моей политики относительно поднадзорныхъ.

Между тѣмъ какъ въ сосѣднихъ губерніяхъ Тобольской и Енисейской было ежегодно отъ 5 до 10 побѣговъ госуд. преступниковъ, у меня въ Томской губ. въ теченіе 3 лѣтъ бѣжала одна политическая Бутовская, вскорѣ пойманная и водворенная въ Мариинскъ. Былъ еще одинъ побѣгъ (Орловъ), но въ немъ администрація была неповинна, такъ какъ Орловъ бѣжалъ изъ рукъ жандармовъ послѣ заарестованія его по дѣлу о госуд. преступленіи, дознаніе о которомъ производилось въ концѣ 1881 и въ 1882 г. и; и самая поимка Орлова, безъ всякаго преувеличенія, была результатомъ принятыхъ мною мѣръ. (Объ этомъ имѣется обширная переписка въ департаментѣ полиціи). Затѣмъ въ теченіе 3 лѣтъ не было ни одного столкновенія поднадзорныхъ ни съ чинами полиціи, ни съ гражданами; напротивъ, всѣ они проживали вполне скромно и предавались дозволеннымъ занятіямъ, какъ-то: въ купеческихъ конторахъ, на разныхъ заводахъ, мукомольныхъ мельницахъ, въ экипажныхъ заведеніяхъ и проч.

Пересмотръ дѣла.

Черезъ 3 мѣсяца послѣ описаннаго свиданія, я получилъ изъ департамента извѣщеніе, что генераль Оржевскій приметъ меня въ четвергъ въ 11 час. дня. Въ этотъ пріемный день представляющихся и просителей было до 70 человекъ. Ровно въ 11 ч. Оржевскій появился изъ кабинета и, обведя взглядомъ весь рядъ, подошелъ прямо ко мнѣ, подалъ руку и любезнымъ тономъ пригласилъ пройти въ слѣдующую комнату, чтобъ подробнѣе объясниться.

Довольно быстро покончивъ съ просителями, Оржевскій обратился ко мнѣ съ такими словами: „Мы очень виноваты предъ вами; наша ошибка. Ну, что дѣлать? не ошибается тотъ, кто ничего не дѣлаетъ“. Затѣмъ онъ разъяснилъ, что главные пункты обвинительнаго доклада вполне опровергнуты новымъ начальникомъ Томскаго жандармскаго управленія, полков. Акцыновымъ, которому было поручено провѣрить мою записку на мѣстѣ по документамъ. Прежде всего онъ прислалъ ту шифрованную депешу о дворянинѣ Боголюбовѣ, которую я получилъ по высоч. повелѣнію отъ графа Лорисъ-Меликова, и слѣдовательно самое главное обвиненіе о самовольномъ освобожденіи

государственнаго преступника Боголюбова отпадаетъ. Затѣмъ удостовѣрилъ: что госуд. преступники размѣщены по городамъ соотвѣтственно средствамъ надзора; что многіе изъ нихъ, какъ были при Мерцаловѣ приняты въ купеческія конторы, на заводы и мельницы, такъ и остаются тамъ; что побѣгъ изъ Томской г. совершила одна только Бутовская (уже возвращенная), страдающая, повидимому, носталгіей; что Мокіевскій-Зубокъ пріѣхалъ въ Сибирь вполнѣ добровольно и перемѣщенъ съ семействомъ изъ Кайинска въ Томскъ по распоряженію ген.-губ. Мещеринова, и что объ остальныхъ пунктахъ доклада и записки Акцыновъ надѣется представить свѣдѣнія въ непродолжительномъ времени, напр. чрезъ мѣсяць.

Но прошелъ мѣсяць, прошло два, а отъ Оржевскаго, какъ говорится, ни отвѣта, ни привѣта. Поэтому, списавъ копію съ моей записки, поданной Оржевскому, я отправился къ М. Н. Островскому и, передавъ ему копію, подробно рассказалъ о двухъ своихъ свиданіяхъ съ шефомъ жандармовъ.

Какъ прочтенная Островскимъ записка, такъ и мой рассказъ произвели на него большое впечатлѣніе, и онъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ сказалъ: „что же это онъ ни шьетъ—ни поретъ, довольствуется вамъ обѣщаніями, а къ дѣлу не приступаетъ; постоитъ-ка, что онъ мнѣ скажетъ?“ и, подойдя къ телефону, онъ вызвалъ Оржевскаго и попросилъ сегодня прислать дѣло о бывшемъ томскомъ губернаторѣ Мерцаловѣ, котораго онъ намѣренъ принять на службу въ свое министерство. Оржевскій отвѣтилъ, что сейчасъ самъ привезетъ это дѣло.

Какое объясненіе произошло между Островскимъ и Оржевскимъ, я не знаю, такъ какъ при этомъ не былъ; но вотъ какое объясненіе было у Островскаго съ покойнымъ Императоромъ Александромъ III, какъ чрезъ недѣлю послѣ нашего свиданія передалъ мнѣ Островскій.

Въ докладной день министра госуд. имуществъ (понедѣльникъ) у Государя, курьеръ вечеромъ принесъ мнѣ записку Михайла Николаевича такого содержанія:

„Отъ души поздравляю: по волѣ Государя вы устроены въ министерство Императорскаго двора. Приходите завтра между 2 и 3 час., объясню подробно“.

Въ назначенный часъ я былъ въ кабинетѣ Островскаго, который рассказалъ слѣдующее:

„Вчера, по окончаніи доклада о министерскихъ дѣлахъ, я обратился съ просьбою къ Государю о разрѣшеніи мнѣ принять

на службу бывш. томскаго губернатора Мерцалова. Государь, немного подумавъ, отвѣтилъ, что Мерцаловъ, кажется, ушелъ изъ Томска недобровольно; помнится, его обвинили главнымъ образомъ въ томъ, что онъ самовольно освободилъ важнаго госуд. преступника Боголюбова, чествовалъ его публичнымъ обѣдомъ, сдѣлалъ для него подписку и затѣмъ отправилъ, неизвѣстно куда; потомъ что онъ окружилъ себя поляками и евреями, оказывалъ особое покровительство сосланнымъ подъ надзоръ полиціи государственнымъ преступникамъ и проч., и во всемъ этомъ Мерцаловъ не могъ представить никакого объясненія, но, прибавилъ Государь, „не могу не упомянуть, что въ представленномъ мнѣ докладѣ прямо заявлено, что всѣ—и друзья и враги—признаютъ его безукоризненно честнымъ человѣкомъ. Это, конечно, большой плюсъ“.

Когда Государь остановился, перечисливъ очень подробно всѣ 8 пунктовъ доклада, я просилъ позволенія представить мои соображенія и, получивъ согласіе, сказалъ:

„Я знаю Мерцалова 18 лѣтъ сначала по службѣ въ государственномъ контролѣ, куда я его и опредѣлилъ, а затѣмъ постоянно имѣлъ объ немъ свѣдѣнія чрезъ близкихъ лицъ, между прочимъ, и чрезъ статсъ-секретаря Петрова, и зналъ его какъ искренняго патріота и безусловно добросовѣстнаго чиновника. Попавъ въ до-реформенную губернію, которой въ служебной сферѣ присущи были многія неблаговидныя свойства, какъ-то: взяточничество, вымогательство, казнокрадство, утрата вексельныхъ дѣлъ и проч., Мерцаловъ какъ ни былъ остороженъ, по необходимости наступилъ на застарѣлыя мозоли и тѣмъ неизбежно вызвалъ неудовольствіе. Недовольные элементы, зная, что съ нравственной и юридической стороны губернаторской дѣятельности Мерцаловъ неуязвимъ, стали строить свои обвиненія на политической почвѣ, обративъ особое вниманіе департамента полиціи на допущенномъ будто бы Мерцаловымъ самовольномъ освобожденіи госуд. преступника Боголюбова, на особой близости его съ „поляками и евреями“ и проч. Порученное департаментомъ товарищу прокурора Романову негласное дознаніе произведено было крайне поверхностно и безлоказательно. Несмотря однако же на явную недостоверность этого дознанія, оно послужило основаніемъ для доклада или вѣрнѣе обвинительнаго акта. Актъ этотъ, по порученію бывш. министра графа Д. А. Толстого, былъ предъявленъ Мерцалову статсъ-секретаремъ Дурново. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать; что Иванъ Николаевичъ поступилъ несо-всѣмъ правильно: онъ перечислилъ всѣ 8 пунктовъ доклада, но

не далъ себѣ труда выслушать объясненія Мерцалова и отказалъ ему въ разрѣшенія подать письменное объясненіе, сказавъ, что онъ не уполномоченъ на это, а въ заключеніе предложилъ Мерцалову перейти въ Акмолинскую область. Но, увидѣвъ изъ этого, такъ наз., объясненія, что министерство осудило его, даже не выслушавъ его, Мерцаловъ предпочелъ вовсе уйти изъ этого вѣдомства и отъ перемѣщенія въ Акмолинскую обл. отказался. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сказалъ, что безъ службы съ семьей существовать не можетъ и надѣется, что со стороны министерства не встрѣтится прѣпятствія къ поступленію его снова въ какое-либо учрежденіе другого вѣдомства. Статсъ-секретарь Дурново далъ слово, что Мерцаловъ можетъ быть покоенъ на этотъ счетъ: министерство дастъ самый лучшій отзывъ, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ какъ графу Воронцову-Дашкову, такъ и мнѣ далъ отзывъ... отрицательный.

„Въ такомъ тяжеломъ положеніи Мерцаловъ находится болѣе двухъ лѣтъ и наконецъ, получивъ свѣдѣніе, что хотя генераль Оржевскій и очень суровый, но справедливый человекъ, онъ представилъ ему свою объяснительную по всѣмъ 8 пунктамъ записку и просилъ пересмотрѣть его дѣло.

„Записка эта слѣдующаго содержанія...

„Я прочиталъ вашу записку, и Государь выслушалъ ее съ величайшимъ вниманіемъ. Затѣмъ я сказалъ, что новый начальникъ Томскаго жандарм. управленія полковникъ Акцыновъ, которому поручено было провѣрить записку по документамъ губернаторской канцеляріи, удостовѣрилъ, что все, изложенное въ запискѣ, безусловно правильно, при чемъ прислалъ подлинную шифрованную телеграмму о совершенномъ освобожденіи по высочайшему Вашего Величества повелѣнію дворянина Петра Боголюбова и о возвращеніи его на родину“.

„Докладъ мой, видимо, произвелъ большое впечатлѣніе, и Государь сказалъ: *„бѣдный человекъ! за что его такъ обидѣли?!”* а затѣмъ прибавилъ: „Мнѣ помнится, Мерцаловъ желалъ поступить въ министерство двора, такъ нужно дать ему хоть въ этомъ удовлетвореніе за всѣ перенесенныя невзгоды, и я прошу васъ сказать Петрову, чтобъ онъ представилъ докладъ“.

Горячее участіе Островскаго въ моей судьбѣ, результатомъ котораго была моя полная реабилитация въ глазахъ Государя, глубоко меня тронуло, и отъ волненія я не помнилъ, въ какихъ выраженіяхъ (конечно нескладныхъ) я высказалъ ему благодар-

ность. Видя, вѣроятно, мою растерянность, Оржевскій сказалъ: „ну, еще разъ поздравляю; теперь у васъ твердая почва подъ ногами“; затѣмъ обнялъ и поцѣловалъ меня, и мы разстались.

Только чрезъ полгода послѣ назначенія моего по министерству двора мнѣ удалось представиться министру графу Воронцову-Дашкову, который, между прочимъ, сказалъ, что Оржевскій поступилъ очень благородно, сознавшись предъ Государемъ въ сдѣланной ошибкѣ. Я согласился съ этимъ, но прибавилъ, что было бы гораздо лучше, если бы Оржевскій придержался закона и, прежде чѣмъ составлять обвинительный докладъ, потребовалъ отъ меня объясненіе.

Такъ кончилась моя губернаторская эпопея.

Сообщ. В. Мерцаловъ.